

ЗЕФИР ЛУНАРЕВ

МОНТЕКАССИНО

Зефир Лунарев

Монтекассино

«Автор»
2026

Лунарев З.

Монтекассино / З. Лунарев — «Автор», 2026

«Монтекассино» — это своего рода исповедальная повесть об ускользающем времени, о невидимой связи поколений и о тихом бунте против жизненной энтропии. Это история о том, как важно уметь прощаться, и о том, что даже среди самых бытовых и незаурядных событий могут разворачиваться истории, которые невероятно важны для кого-то.

© Лунарев З., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Прибытие 5
Домик на Хердерштрассе 7
Бройманн 9
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Зефир Лунарев
Монтекассино

Прибытие

Через июльское марево проглядывался рыжевато-красный вокзал Оснабрюка. Белый с красной полосой состав начал медленно тормозить, разумеется, противно скрипя. Оливер Хаас, светловолосый юноша в белой рубахе и зелёной клетчатой жилетке, был зажат между храпящим грузным стариком в шерстяном пальто и такой же молодой девушкой в гоночной ветровке с логотипом Marlboro, от которой пахло стухшей рыбой. Хаас с кряхтением извернулся, чтобы запустить руку в карман коричневых брюк и достать оттуда телефон, показывающий десять с половиной часов утра, ровно на 40 минут позже прибытия поезда по расписанию. Прежде чем бело-красная гусеница остановилась, пассажиры начали вставать вместе со своими громадными сумками и чемоданами, толпясь на проходе.

Капли пота стекали по красному лицу Оливера. Он то и дело поглядывал на потолок, где висел кондиционер, предательски отказывающийся работать. Старик слева чихнул, сморкнулся, кашлянул и буркнул что-то неразборчивое, елозя в кресле и заставляя Оливера жаться к пахнущей соседке справа. «Кряхтящая свинота, надо же было тебе было ехать именно моим рейсом», — думал Хаас, бросая на деда презрительные взгляды.

Двери открылись. Вместо прохладного ветерка и свежего воздуха Хаас вдыхает горячий сухой воздух. Он делает шаги по платформе, где чувствует себя сосиской на раскалённой сковороде. Солнце жарит, пот продолжает литься, одежда липнет к телу. Он рыщет взглядом по толпе и среди десятка других встречающих, среди таксистов и среди прочих прибывших видит девушку с воздушными, вьющимися до плеч рыжими волосами.

Лиза Вайсфельд, в свою очередь, вертит в руках маленький жёлтый ридикюль. Она заворожённо смотрит на ведьмины гнёзда, оттягивающие вниз ветки лип. Она почти не дышит, да и вообще, кажется, не реагирует на окружающий мир кроме этих деревьев. Оливер бежит к ней.

— Лиза! Лиза! — кричит он, запинаясь.

Чемодан его скачет по брусчатке, рукав розовой рубашки болтается, как язык у собаки. Лиза не реагирует, пока Оливер буквально не врезается в неё, едва не сбивая с ног, и даже тогда она не отрывает взгляда от лип.

— Оли, как ты думаешь, почему их назвали ведьмиными гнёздами? — спросила она, поправляя после столкновения тёмно-зелёное в белый горошек платье с пышными рукавами.

— А?.. Ну, не знаю, может, ведьмы носили такие причёски? — ответил он, подавив в себе возмущение от такой безучастности к его приезду.

— Или раньше люди думали, что ведьмы живут в гнёздах…

Она поднесла руку к своему острому подбородку и нахмурилась.

— Полагаю, они думали, что ведьмам лучше не жить вовсе.

— Пойдём, тогда, домой. Не хочу больше размышлять о ведьмах, — предложила Лиза, вздёрнула нос и схватила Оливера под руку.

Они помчались по Мёзерштрассе, минуя мощёную привокзальную площадь. Чемодан гремел, пытаясь успеть за парой.

— Погоди, Лиза, — попросил Хаас, притормозив у бетонного здания.

Девушка тоже остановилась и вопросительно склонила голову набок.

— Может, по вопперу или типа того? — Оливер кивнул на круглую вывеску «Бургер Кинга».

— Ты же не любишь всё американское, — подняла она брови.

— После такой дороги я не откажусь ни от чего американского…

Она фыркнула и так скривила лицо, будто услышала какой-то грязный слух.

— Н-да, Берлин тебя испортил.

Теперь они шли, хомяча бургеры. Бетонные коробки сменялись на кирпичные и каменные фасады с лепниной на первых этажах.

— Слушай, дед точно не будет против? — спросил Оливер, вытаскивая из воппера помидор.

— Почему он должен быть против? Он хорошо к тебе относится, — пожала плечами Лиза.

— Но мы совсем не знаем друг друга…

— Как раз познакомитесь, у вас будет целый месяц.

Оливер поджал губы. Он всматривался в каждый дом, мелькавший по дороге, в каждое лицо, идущее навстречу.

— Как ты думаешь, у нас люди добрее, чем в Берлине? — пробормотал он, провожая взглядом пару возрастных женщин, вышедших из садового магазина.

Лиза хмыкнула.

— Не знаю, смотря что ты считаешь добрым.

— Разве это не универсально?

Они остановились у собора в романском стиле. Сердце Оливера забилось чаще, когда он встал под каменными квадратными башнями.

— Наверное, должно быть универсально, — сказала Лиза, держа Хааса за руку, — ну, хочешь зайти?

Оливер кивнул. Внутри собора святого Петра прохладно. Здесь, среди белых стен, пропитанных ладаном, плечи Оливера наконец расслабленно опустились. Они с Лизой молча сидели на деревянной скамье под пристальным взором святых, высеченных в камнях под аркадами. В лучах света, пронзающих окна, летает пыль. Перед глазами Оливера плыли образы: от франков, крутящихся вокруг каролингской гимназии на этом месте, до знатных горожан в изящных шаперонах, собравшихся здесь на молитву и до солдат британского гарнизона, гуляющих на площади перед храмом.

Через полтора часа наконец поднялся ветерок. Оливер и Лиза завернули на Хердерштрассе, где Лиза рассмеялась, показывая пальцем на стоматологию, расположившуюся в двухэтажном угловом здании.

— Расскажи ещё раз, как тебе вырывали зубной нерв там! — хохотала она, пока Оливер закатывал глаза.

— Лучше вспомни, как тебе удаляли зуб мудрости и ты целых два часа не могла говорить, — отвечал он, улыбаясь уголками глаз.

— Ну хватит! — завозмущалась Лиза.

— А что, это были лучшие два часа в моей жизни…

Узкая, мощённая булыжником дорога привела их к кирпичному домику, покрытому хмелем и мхом.

— Вот и всё, — представила этот дом Лиза.

Домик на Хердерштрассе

— Недурно, — произнёс Оливер, глядя на двухэтажный дом, растянувшийся на шесть французских окон с белыми рамами в длину и три таких же окна в ширину.

Зелёная входная дверь с подвешенным на цепи фонариком открылась. Парадная оказалась совсем миниатюрной.

— Очень даже мило. Может, я остановлюсь прям здесь, под дверным ковриком? — спросил Хаас.

Лиза закатила глаза.

— Ну что такое? После Берлина ты брезгуешь малоэтажной уютной застройкой и чистыми квартирами?

— Да нет же, просто дед… — начал объясняться её спутник.

— Что дед? — подняла она бровь.

— Понимаешь, я немного стесняюсь его.

Девушка рассмеялась, по парадной пронеслось эхо.

— Ты думаешь, что сначала он согласился, чтобы мы пожили с ним, а сейчас вдруг прогонит тебя? — спросила Лиза, продолжая хохотать.

Оливер фыркнул и сложил руки на груди:

— Ну а вдруг я сходу сделаю что-то не так.

— Слушай, дед сам всегда был очень скромным и стеснительным, так что… — она тыкает его в бок локтем. — Просто расслабься.

Лиза вставляет ключ в крайнюю правую дверь. Квартира открыта. Первым в глаза Оливера бросается полностью деревянный пол и просторная прихожая. Они разуваются и проходят вперёд. Впереди большая зала с зелёным ковром, широким светло-коричневым диваном годов из восьмидесятых, журнальным столиком с изогнутыми ножками и белой скатертью с бахромой. На стенах бежевые обои с маленьким цветочным узором, несколько небольших картин. К стене приставлен лакированный деревянный шифоньер, за стеклом которого стояли хрустальные бокалы, рюмки и стаканы. На маленькой-маленькой тумбе стоит телевизор с огромной диагональю.

Оливер присвистнул:

— Памятник эпохе, а?

— Ты как раз любишь всё винтажное.

Слева от гостиной расположилась кухня, совсем небольшая, где помещалась лишь мягкая скамья, маленький холодильник, обеденный стол и плита с парой шкафчиков. Соседняя дверь вела в совмещённую с туалетом ванную. Справа от гостиной две комнаты. В одной, с тёмными зелёными обоями и выходом на балкон, такой же диван, как в зале, красный ковёр и полки в углу, тянущиеся от пола до потолка. Оливер прошёл глубже в комнату и остановился перед углом. С самого низа он был заставлена иконами: Христос, Мария, Франциск Ассизский, Бенедикт Нурсийский. Но особенно много было образов Ульриха Аугсбургского. Всю композицию венчает распятие под потолком, где Иисус с искажённым от боли лицом свисает над комнатой.

— Он… Особенно почитает его? — спросил Хаас, рассматривая очередную икону с Ульрихом.

Лиза кивает:

— Ещё бы. Его назвали в честь него.

Оливер бродит взглядом по комнате. На маленьком столике у дивана он замечает фотографию пожилой женщины с чёрной лентой. Рядом засохшие цветы.

— Бабушка, — комментирует Лиза и берёт спутника за руку, спокойно уводя из комнаты.

Соседнее помещение — контрастно светлое. Бело-голубые стены, белые шторы, двухспальная кровать с белым постельным бельём, бежевые тумбочки, серые плинтуса, серый компьютерный стол у окна и белые стулья. Из всего явно выбивалась только зелёная настольная лампа с таким же зелёным абажуром.

— Я так понимаю, это для нас? — уточнил Оливер, а затем плюхнулся на кровать.

— Именно, — подтвердила Лиза и тоже упала на постель, прижавшись затем губами к щеке Оливера.

— А где он сам?..

Лиза пожала плечами:

— Полагаю, решает всякие нюансы с поездкой. Через три недели он уже должен быть в монастыре, поэтому он много суетится.

Затем она облизнулась и посмотрела на Хааса с прищуром. Голос её стал ниже:

— А вот мы можем делать всё без лишней спешки…

Она прильнула к его губам и взяла руками его щёки. Поцелуй долгий. Их обоих бросило в жар.

Брейманн

Оливер сидит за компьютерным столом и смотрит в распахнутое настежь окно, выходящее на Хердерштрассе. Солнце уже давно село, но жара и не думала отступать. Хаас улыбается. Он смотрит на каменные и кирпичные домики на улице, утопающие в плюще и хмеле, и он не может перестать улыбаться.

— Иди сюда, — зовёт, зевая на кровати, Лиза.

— Не сейчас, погоди немного… — отвечает Оливер.

Он поднимается со стула и высовывается на улицу, вдыхая полной грудью сухой и горячий воздух.

— Насколько же это… Лучше…

— Ну что там? — протянула Лиза страдальчески, потягиваясь в постели.

— Ты просто не представляешь, как нам повезло с местом, — мечтательно бормочет Оливер, — по сравнению с Фриц-Ройтер Аллее… Нет, даже не хочу вспоминать.

Он вздрогнул и поморщился, причём совершенно не притворно. В дверях вдруг зазвучало протяжное и хриплое «мяу». Ну, вернее, «мъя-я-я-яу». Оливер едва не вывалился через раму, Лиза дёрнулась. На пороге потягивался, оттопырив огромную задницу, невероятно лохматый кот серого цвета. Его усы и брови были закручены, в пасти остался один клык.

— Ну и урод, — констатировал Хаас, подняв бровь в недоумении.

— Оли!.. — возмутилась Лиза, на кровать которой неуклюже вскарабкался кот. — Это Гроссманн. Ему... Около двадцати, кажется.

Глаза Оливера округляются.

— Сколько?! Это какое-то адское чудовище, по-любому...

Но Лиза грозно зыркнула на Хааса, теперь держа кота в руках.

— А, вот как... — вздохнул Оливер и подошёл к кровати, с недоверием глядя на кота.

Кот тоже смотрел на него с недоверием, и они оба, кажется, считали себя совершенной формой жизни на фоне друг друга, и обоих это устраивало. Оливер хмыкнул и протянул к коту руку, чтобы погладить. "Так и быть, окажу тебе милость и поглажу", — подумал Хаас. "Так и быть, окажу тебе милость и позволю погладить", — подумал Гроссманн. Но мохнатный зверь, кажется, первым дал слабину и довольно замурчал, прикрыв глаза. Оливер триумфально улыбнулся и начал тискать животное.

— Какой же ты страшный, да ещё и тупой... — улюлюкал он.

Лиза закатила глаза.

— С чего ты взял, что он тупой?

— Ну посмотри на его тупую морду... — отвечал Хаас.

Но Гроссманну, кажется, было всё равно на комментарии. Он с наслаждением зевнул, продемонстрировав отсутствие зубов.

Замок входной двери щёлкнул, Оливер замер в напряжении и волнении. Дверь хлопнула, и в коридоре показался маленький, но жилистый старик в клетчатой рубашке и брюках — Ульрих Брейманн. Он окинул комнату маленькими чёрными глазками и потёр бороду, на которой практически не было седых волос.

— Ну что, молодёжь? — спросил он, сжимая в руке пакет, в котором звенело стекло.

— Привет, дедушка, — отозвалась Лиза.

— Здравствуйте, — почти воскликнул Оливер, вскочил с кровати и энергично пожал морщинистую руку.

— Привет. Ну, как дела? Как Берлин?

— Ничего хорошего, — вздохнул Хаас, предвкушая, сколько ещё раз ему зададут этот вопрос.

Ульрих ушёл в тёмную комнату с иконами, а Оливер подошёл к Лизе и шепнул ей на ухо:

— Он будет пить чай?

— Спроси у него, — пожала плечами Лиза.

— Я не могу...

Девушка прыснула смехом:

— Не наорёт же он на тебя, ну. Он сам стесняется.

Хаас набрал в грудь воздуха и вышел в коридор, где сразу столкнулся с Брюйманном.

— Ну что, чай пить будете? — спросил дед, поджав затем губы и задержав дыхание.

— Да, мы... Как раз собирались предложить, — выдохнул Оливер.

Гроссманн, сидевший теперь на подоконнике на кухне, фыркнул и отвернулся к окну. Белый чайник с цветочным узором встал на плиту и вскоре засвистел. Все расселись с полными кружками чёрного чая, в центре стола — печенье в вазе. На пару минут повисло молчание, которое первой прерывает Лиза:

— Ты сегодня поздно, дедушка.

— Я заскочил на вечернюю мессу, а потом в сауну.

И снова молчание. Лиза тыкает Оливера в бок и тот выдавливает:

— Ну а... В целом как дела?

Ульрих вдруг задумывается.

— Да помаленьку. Всё слава Богу. Устал только, скоро уже спать пора, — он замолкает и бросает взгляд на Гроссманна, всё ещё сидящего у окна, — а вы как? Как Оливер доехал?

— О, это было что-то, — смеётся Хаас, — сначала оказалось, что мой поезд приехал и уехал раньше, и мне пришлось менять билет, потом почти пять часов пути со сломанным кондиционером... Словом, проклятый Берлин совсем не хотел отпускать.

— Твой любимый город, как-никак, — хихикнула девушка.

— Лиза!.. — обиделся Оливер.

— С чего же такая неприязнь? — поинтересовался Брюйманн.

Хаас вздохнул, будто готовясь отчеканить зазубренную речь:

— Грязь, мало природы, слишком много людей, притом весьма неприятных, куча маргиналов, мигрантских гетто...

— А как ты мечтал... — протянула Лиза.

— Но я же не знал... Я думал: университет Гумбольдта — какая роскошь! Какое образование! Сердце Германии! Но не мог же я предвидеть, что и обучение пойдёт через силу, и город при жизни раскроется совсем иначе...

Оливер сделал глоток чая, брови его опустились, он тоже посмотрел на Гроссманна.

— Вот как. И сколько тебе осталось? — спросил Ульрих мягким и меланхоличным тоном.

— Последний год, — вместе ответили Лиза и Оливер.

— Вообще, грех ему жаловаться — с ним учится его друг Пауль, — рассказывает девушка.

— Да, но ему-то город нравится и он хочет там остаться! Да и нет сил с ним видеться как-то, когда мы там…

Кружка Хааса была уже пуста, но он делал вид, что пьёт. Ему не хотелось уходить, но и говорить, кажется, было уже не о чем. В конце концов Ульрих поднялся и направился в свою комнату, сказав:

— Ладно, всем доброй ночи. Не поможете завтра перебрать альбомы и старые флешки?

— Конечно, — отозвался Оливер, Лиза тоже кивнула.

Двойная дверь закрылась. Хаас и Вайсфельд переглянулись.

— Надеюсь, всё нормально, — сказал Оливер, почесав затылок.

Лиза начала раздражаться:

— Да расслабься уже.

Она закрыла глаза и быстро смягчилась, взяла его за щёки и проговорила почти кошачьим голосом:

— Ну и стресс сегодня у тебя, а? Целое знакомство с родственником, какой ужас... Пойдём спать? Только помойся — ты весь вспотел, кажется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.